

Материальное обеспечение приходского духовенства в синодальную эпоху:

системный сбой или социо-культурный тупик?

Проблема материального обеспечения клира остро стояла в жизни Русской Церкви еще в древнюю эпоху. До начала петровских преобразований, к которой относятся первые попытки систематической регламентации численности храмов и служащих в них священников (так называемые штаты), процесс строительства церквей, по всей видимости, регулировался очень слабо или не регулировался совсем. Кроме того, малочисленность епархий и их огромные размеры приводили к ситуации, когда приходы могли возникать в очень немногочисленных деревнях. Именно поэтому русское духовенство, весьма многочисленное, оказывалось часто без всяких средств к существованию.

Для государственной и церковной властей проблема избытка духовенства и способов его содержания становится со временем крайне острой. Главным источником такого содержания в древности были плата за требы, затем т.н. запросы, т. е. натуральные сборы с прихожан летом и осенью, далее, наделение причтов землей и, наконец, руга, т. е. хлебное или реже, денежное жалование. Каждый из этих способов не был постоянным и надежным обеспечением и часто был связан с необходимостью для священника унижаться и торговаться со своими прихожанами.

Для более полного понимания проблемы нам необходимо обратиться к некоторым важным статистическим показателям, иллюстрирующим объективно существовавшие сложности, связанные с проблемой материального обеспечения.

1. *Численность прихожан.* В России второй половины XIX в. исследователи отмечают *высокие темпы роста населения России и низкие*

темпы освоения «церковного» пространства. На одну церковь в России к 1914 г. в среднем приходилось 1 900 душ православного населения. Но нужно отдавать себе отчет в том, что эти храмы и эти «души» существовали в очень неравных условиях. В сущности, мы имеем дело со «средней температурой по больнице». И действительно, в реальности колебания этой средней величины очень велики – от 625 человек в Архангельской до 4 382 человек в Ставропольской губернии.

При этом отношение между численностью православного населения и количеством православных храмов с каждым годом становилось все более неблагоприятным. Действительно, за 75 лет (период с 1840 по 1915 г.) количество прихожан на одну православную церковь увеличилось на 799 человек, или на 56 %, в результате чего к 1915 г. православных храмов было на 19 000 меньше, чем их нужно было с учетом показателей роста населения.

2. Пространства приходов. Кроме того, русские приходы раскинулись на громадных пространствах. В относительно благополучной Европейской России на 1 церковь приходилось в среднем 113 кв. верст пространства, но этот средний показатель давали центральные епархии, а в более отдаленных он был поистине устрашающим: 359 кв. верст в Вологодской епархии, 454 в Пермской, 664 в Оренбургской, 724 в Астраханской, 1 036 в Архангельской. В Сибири, Якутии и Средней Азии эта цифра измерялась тысячами квадратных верст.

Анализируя эти данные, мы можем сделать следующий вывод: во многих епархиях православное население постепенно «отдалялось» (пространственно) от своих храмов и подолгу не видело священников.

3. Православное духовенство. К 1915 г. в Российской Империи насчитывалось 112 639 человек православного приходского духовенства, из них 51 005 священников и 15 035 диаконов. На первый взгляд кажется, что это очень значительная цифра, но в реальности она в пять раз меньше темпов роста населения России. Именно поэтому за это же самое время выросло на

71 % количество православных прихожан, приходящееся на одного священника (1 203 в 1840 г. и 2 058 в 1915)¹.

ОБЩИЙ ВЫВОД: хотя численность священнослужителей и православных храмов в целом за период с 1840 по 1915 г. выросла, темпы роста обеих цифр значительно уступали общим темпам роста православного населения Российской Империи; кроме того, этих темпов было недостаточно для «пространственного» обеспечения приходов.

Казалось бы, это последнее обстоятельство является надежной гарантией материальной обеспеченности клира. Но на практике выходило совсем по-иному.

В 1765 г., т.е. при Екатерине Великой, правительство впервые предпринимает попытку регламентации доходов духовенства. Не решившись поставить вопрос о постоянном жаловании из казны или обложить церковным налогом членов прихода, государственная власть попыталась регламентировать размеры платы за требы. При этом эти цифры не могут не удивлять своей мизерностью: в екатерининском указе говорится о необходимости ограничить плату за крещение 3 копейками, а за венчание и погребение взрослых – 10 копейками. Интересно, что властью было предписано «за исповедь же и причащение Св. Тайн отнюдь ничего не брать». Главная цель правительственного документа – добиться того, чтобы «священно- и церковнослужители ни под каким видом большего себе за оные требы платежа не домогались, а довольны б были таковым указным и добротным подаянием»². Но клир, при всем желании, не мог быть доволен представленными суммами. По расчетам профессора Казанской духовной академии П. В. Знаменского, на средний приход с численностью прихожан в 600 человек общий годовой доход причта, по штатам состоявшего из одного

¹ Все статистические данные приводятся по публикации: Краткий статистический обзор условий религиозно-просветительной деятельности Российской Православной Церкви при изменившемся устройстве России и по отделении Церкви от государства / Публ. Ю. Л. Ореханова, А. В. Постернака, Т. Х. Терентьевой // Богословский сборник. Москва. Изд-во ПСТБИ. 1997. №1. С. 198, 200, 203-204, 213, 221, 234.

² Сенатский указ от 17 февраля 1765 г.: ПСЗ – 1. Т. 17. № 12378.

священника и двух причетников, высчитанный по предложенным властью расценкам, составлял бы 11 р. 40 копеек, чего, конечно, было далеко не достаточно для годового прокормления трех больших семей³. Вот почему в 1808 г. специально созданный Комитет не без горечи констатировал в специальном докладе императору: «Сбор за мирские требы поставляет священника в непрерывное состязание с теми самыми лицами, коих любовь и уважение ему наиболее нужны»⁴.

Только с 1828 г., т.е. при императоре Николае I, правительство более энергично взялось за дело обеспечения духовенства. С 1830 г. в распоряжение Св. Синода стала ежегодно отпускаться сумма в 500 000 руб., также в первую очередь на помощь беднейшим приходам, а после польского восстания 1830 г. – на помощь причтам западных епархий. Простые расчеты показывают, что этих денег в начале 1830-х годов хватало приблизительно на 5% приходов, причем сама сумма на причт была достаточно скромной.

Реальное осмысление проблема материального обеспечения причтов получает только в эпоху Великих реформ. Информация, собранная в 1860-е годы, не только демонстрировала наличие серьезной проблемы, но и степень расслоения по материальному признаку в духовном сословии. Годовой доход православных священнослужителей колебался в пределах от 200 (сельский приход) до 6 000 (крупные столичные храмы) руб. Ежегодный же расход семьи священнослужителя составлял 650 – 800 руб. в год. Интересно при этом отметить, что когда были собраны опросы духовенства, выяснилось, что допустимой для себя оно считало сумму 300 – 1200 руб. годового дохода⁵.

В дальнейшем, благодаря значительным усилиям государства материальная поддержка русского клира, хотя и недостаточная, постоянно

³ Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб., 2003. С. 655.

⁴ ПСЗ - 1. Т. 30. № 23 122.

⁵ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860 – 1870-х годов). М., 1999. С. 116, 372.

возрастала. В итоге, к началу революционной помощи из казны получали уже 65% причтов, при этом в среднем на один причт приходилось 539 руб. в год – цифра, следует признать, достаточно значительная.

Представляется, что в наиболее заостренном виде проблема материального обеспечения была поставлена в работах И. С. Аксакова.

Статьи И. С. Аксакова 1868 г. были откликом на бурную полемику, когда, по утверждению проф. П. В. Знаменского, постепенно стало очевидно, что этот вопрос духовенства должен быть поставлен гораздо шире – речь шла о положении духовенства в русской жизни и в русском обществе⁶.

И. С. Аксаков ставит вопрос с предельной откровенностью и остротой: чтобы сельскому священнику причастить умирающего, часто приходится ехать много верст и получить за эту потребу 5 копеек, что некоторые священнослужители воспринимают как значительную финансовую потерю, ибо происходят такие поездки, как указывал один харьковский сельский батюшка «въ такое время [...] когда для самого крестьянна *час стоит не 5 коп., а 25 коп.*». Справедливо, указывает И. С. Аксаков, жаль только, что этот пастырь не переложил на деньги: «чего стоит предсмертный часъ для самого умирающаго?...»⁷.

И. А. Аксаков тонко улавливает основной нерв проблемы: в вопросе материального обеспечения духовенства сталкиваются разные *модели* служения. Само *духовенство* часто воспринимает свое служение как тягостную повинность, за которую следует получать такую же плату, как и за любую другую. Следовательно, такой ремесленный подход предусматривает возможность действовать в условиях рынка и требовать любой платы за свой труд. *Государство и приход*, наоборот, стремятся бороться с таким

⁶ Знаменский П. В. Цит. соч. С. 762.

⁷ Сочинения И. С. Аксакова. Том 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи, вышедшие отдельно. СПб., 1903. С. 102.

произволом, «оградить общество от корыстного ремесленного произвола» и устанавливает фиксированные такты за требы, также, как устанавливает фиксированную цену на хлеб или воду. Именно с этим стремлением связаны, в частности, проекты издания общей таксы за различные таинства, «так что всякий, имея в руках своих эту утвержденную начальством табель, может видеть и рассчитать—во что ему обойдется смерть, во что поновление духа, брак, крещение, и чего стоит то или другое духовное утешение—акафист, молебны и пр.»⁸.

И. С. Аксаков совершенно справедливо замечает, что данный подход имеет катастрофические последствия, формируя у паствы искаженное представление о духовенстве, которое ведет стадо в «трущобу», вместо того, чтобы проявлять бескорыстную заботу о «величайших» и «страшных тайнах—возрождения, обновления и спасения человека». И в этой ситуации «разве есть здесь место купле и продаже? Разве молитвенные подвиги церкви могут быть низведены до значения ремесла или промысла, и молитва может быть оцениваема как товар? Разве служитель церкви, освященный дарами Св. Духа, может торговать своим святым полномочием?...»⁹.

И. С. Аксаков подчеркивает, что вся абсурдность ситуации заключается в том, что речь идет не о злоупотреблениях, которые являются следствием невежества, а о попытке государственной регламентации и возведении обычая в государственный закон. Он полагает, что в этой тенденции очень ярко проявляется характер церковно-государственных отношений, возникших в синодальную эпоху: *церковный идеал* меняется на идеал *чиновничий*, а место *служения* заступает *наемничество*, *ремесленничество*.

В ходе полемики 1860-х годов были предложены три выхода из этой ситуации.

⁸ Аксаков И. С. Цит. соч. С. 103.

⁹ Аксаков И. С. Цит. соч. С. 103-104.

1. Введение фиксированной таксы на требы, выше которой не может просить священнослужитель и ниже которой не может давать прихожанин.

2. Введение фиксированного жалования от казны, государственной, церковной или земской.

3. Введение фиксированного жалованья от прихода, которого бы хватало для того, чтобы обеспечить потребности причта. Заметим, что в большей части предложений, сделанных самими священниками, речь шла именно об *обязательном налоге*, десятине, которая затем превращается в постоянное жалованье клирика.

И. С. Аксаков указывает, что первое предложение превращает отношения между прихожанами и священником в отношения потребителей и производителей¹⁰. Такой подход породит между прихожанами и духовенством непроходимую пропасть. Сама по себе плата за требы, пусть даже фиксированная, настолько грубо искажает смысл священнического служения, что из трех предложенных является наименее приемлемым выходом.

Второе предложение (о казенном, в широком смысле слова, жаловании), по мнению И. С. Аксакова, на первый взгляд, призванное поставить клир в независимое от прихода положение, и уже реально, как мы видели выше, осуществлявшееся на практике, на самом деле даст противоположный результат – оно также приведет к отчуждению духовенства от прихода, ибо духовенство и так воспринимается прихожанами не только в качестве ремесленника, но и, что, может быть, существенно хуже, в качестве служилого сословия на казенном жаловании¹¹. Это будет особенно очевидно в ситуации сельских приходов (которых в России было большинство) во время народных бедствий – прихожане могут страдать от неурожая или мора, а пастырь, получая независимое от прихода

¹⁰ Аксаков И. С. Цит. соч. С. 109.

¹¹ Аксаков И. С. Цит. соч. С. 109.

жалование, никак не страдает от этих бедствий¹². По мнению И. С. Аксакова, в тех губерниях, где жалование священникам из казны уже введено, эта мера нисколько не подняла нравственно духовенство и не прибавила уважения паствы к нему.

Наконец, третье предложение – об обложении постоянным налогом состоятельных членов прихода. Оно плохо тем, что, наоборот, ставит приход в зависимость от причта, так как жалование клиру для определенной (заметим, самой материально обеспеченной и активной части прихода) становится обязательной повинностью.

Конечно, можно было бы это приходское налогообложение сделать добровольным, или, как говорили в XIX веке, добротным. Но в полемике 1860-х годов неоднократно подчеркивалось, что русский человек очень плохо готов к постоянным и методичным добротным даяниям. П. В. Знаменский, анализируя журнальную полемику 1860-х годов по указанному вопросу, с горечью констатирует: «Во всех подобного рода корреспонденциях рисовалась картина такого поразительного упадка общественного значения духовенства и холодности к нему прихожан, что, казалось, дело идет не о православном русском обществе, а о народе, только лишь обращенном в христианство внешней силой, которому духовенство навязано насильно и который должен кормить его поневоле, не чувствуя в нем никакой действительной надобности»¹³.

Поразительно еще одно обстоятельство. При детальном исследовании вопроса о том, каков бы мог быть размер этой добровольной раскладки, получалась цифра в 50 – 75 копеек с «приходской души» в год. Но духовенство не надеялось получать исправно и эту сумму¹⁴.

¹² Аксаков И. С. Цит. соч. С. 111.

¹³ Знаменский П. В. Цит. соч. С. 666.

¹⁴ Знаменский П. В. Цит. соч. С. 666.

Именно поэтому, с точки зрения И. С. Аксакова, проблема может быть решена только одним способом – превращением группы молящихся в полноценный приход: «Есть прихожане, но нетъ прихода въ настоящем смысле слова; люди расписаны по церквамъ, но церковной общины въ ее истинномъ, первоначальномъ значеніи эти люди не составляютъ»¹⁵.

Выводы.

Итак, И. С. Аксаков, как нам представляется, выявил тот глубинный смысл дискуссии о материальном обеспечении духовенства, которая особенно обострилась в эпоху Великих реформ. Именно он убедительно показал, что ее ядро – вовсе не поиск дополнительных средств на «ассигнование» пастырской деятельности. Фактически речь шла о репутации всего духовного сословия, об образе пастыря и его связи – формальной или духовной – с прихожанами. *Материальное обеспечение клира*, как оказалось, было неразрывно связано с *духовным обеспечением прихожан*. И эта идеальная схема не может быть заменена суррогатными моделями, рожденными в синодальную эпоху, когда священник становится либо чиновником («государственная модель»), либо наемником («приходская модель»).

Таким образом, в статьях И. С. Аксакова приподнята завеса над более серьезной проблемой, чем это может показаться на первый взгляд. Речь идет не просто о вопросе материального содержания духовенства, а о полном отчуждении духовенства и Церкви от всего русского народа (а вовсе не только от образованной части общества, как принято считать): «бомба замедленного действия», которая была заложена всем строем и ходом церковных преобразований Петра, перерастала в проблему, которая находит свое столь катастрофическое разрешение уже в эпоху безбожных гонений.

¹⁵ Аксаков И. С. Цит. соч. С. 115.